

ОДНА ЛЮБОВЬ

«Малая родина» у Есенина и Шукшина

От Рыбного до Константинова я решил в тот раз идти пешком — летний день только вставал над лугами. Сенокос кончался, сметанные стога караульными башнями уходили в горизонт, в пока невидимую осень, означенную первыми медными денежками в березовых кронах. Ни тучки на было в спокойном небе, и солнце похлыало, как устье русской печи. И в пронзительном этом свете еще ярче казалась белизна березовой коры.

Я потрогал теплую кожу дерева у дороги и поневоле вспомнил, проникаясь спокойствием дня и ожиданием встречи:

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые носы,
И холщовый ее сарафан.

Мне хотелось прочитать стихотворение полностью. Достал из сумки томик, затертый по корешку. Прочел. И вздрогнул от щемящего чувства утраты — это стихотворение было написано Есениным незадолго до смерти. Вот тогда я в первый раз и попытался связать мироощущение Есенина и Шукшина — ведь щемящее обращение к березе есть и у Шукшина, и тоже сделанное незадолго до кончины. Помните «Калину красную»? Уже потом, вернувшись из Константинова, я нашел это место в киноповести.

«— Ох, вы мои хорошие!.. Ну, что, дождался? Зазеленели... — Он ласково потрогал березку. — Ох, ох, наряди-

Александр Лебедев — автослесарь Воскресенского производственного объединения «Минудобрения» Московской области. Много лет собирает он материалы, связанные с творчеством М. Шолохова, С. Есенина, В. Шукшина. Едва подходит отпуск, А. Лебедев едет в Вешенскую, в Константиново или в Сростки. Достаточно сказать, что сейчас у него, пожалуй, самый полный комплект вырезок из районных, областных и центральных газет, которые в свое время писали о Шукшине или где писатель выступал сам со своими рассказами и статьями. Есть у А. Лебедева редкие издания В. Шукшина, С. Есенина, фотографии, записи бесед с друзьями и родственниками писателей.

А. Лебедев — бескорыстный энтузиаст, готовый поделиться материалами с теми, кто профессионально работает в кино, литературоведении, музейном деле. Его часто приглашают в трудовые коллективы города Воскресенска для выступлений о творчестве любимых писателей.

Статьи А. Лебедева печатают воскресенская городская газета «Коммунист», выступал он и в газетах Украины, Ростовской области, Алтайского края. «Литературная Россия» предлагает вниманию читателей размышления А. Лебедева о влиянии творчества С. Есенина на изобразительные решения темы «малой родины» у В. Шукшина.

Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.

Александра Александровна подарила мне книгу «Воспоминания о Сергее Есенине» с теплой надписью. В июне 1981 года сестры поэта не стало. А я долго еще корил себя, что в тот теплый вечер, когда мы сидели с ней в садике, так и не спросил у Александры Александровны: бывал ли в Константинове Шукшин?

Не мог не бывать! Ведь любил он поэта с нежностью и уважением младшего брата. Перечитайте Шукшина внимательно, и вы встретите в его рассказах и фильмах прямое обращение к творчеству Есенина. В «Калине красной» звучит песня на стихи Есенина. В «Печках-ласточках» он цитирует «Будто я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне...» (у Есенина — «словно»). В рассказе «Случай в ресторане» — «Не жалею, не зову, не плачу...» В повести «До третьих петухов» — «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?». То есть одно стихотворение Есенина, написанное в 1922 году, Шукшин вводит сразу в три своих произведения.

Есенин и Шукшин с одинаковым чувством нежности относились к своей «малой родине». Вот как переключается у них это чувство:

Но более всего
Любовь и родному краю
Меня томил,
Мучила и ягла.

Это из стихотворения Есенина «Стансы». А в книге «Нравст-

лись-то! Ах, невестушки вы мои, нарядились...»

Почему у Шукшина Егор подетски охает, изумляется красоте живой и вечной природы? Не потому ли, что драма Егора Прокудина — прежде всего драма человеческая, глубоко личная, что все уголовное в нем — наносное, случайное, а внутренне он хороший и добрый человек? Именно такой человек может ощутить красоту своей негромкой «малой родины»...

Поразительно чувство дома у Есенина и Шукшина. К каким бы человеческим страстям ни обращался Есенин в своих стихах, место действия здесь — «малая родина», «страна березового ситца». Скорей всего, эта постоянная верность отчету краю и берет за душу прежде всего в стихах Есенина. А потом и Рубцов, не похожий на Есенина ни стилистикой, ни образным строем, тоже воспоет

землю «с названием кратким «Русь», имея в виду милые сердцу леса и поля вокруг деревни Николы.

У Шукшина в книге «Нравственность есть правда» читаем:

«...Всю жизнь мою несую родину в душе, люблю ее, живую, она придает мне силы, когда случается трудно и горько...»

...В Константинове было тихо, светло и немножко грустно. С Александрой Александровной Есениной мы сидели в ее садике, и она рассказывала историю создания стихотворения «Я красивых таких не видел...». Брат написал его 13 сентября 1925 года после короткой встречи с родными. Видно, ожила после разговоров с близкими людьми «малая родина» в сердце... Ведь не случайно в стихах есть такие строки:

Потому и навеки не сироту,
Что любить не отдельно,
не врозь —

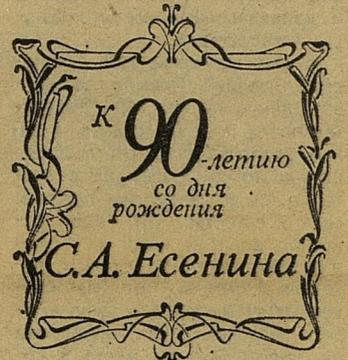
венность есть правда» Шукшин писал:

«Родина... Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда. Может быть, мне это нужно, думаю я, чтобы постоянно ощущать в себе житейский «запас прочности»: всегда есть куда вернуться, если станет невмоготу».

На юбилейных Шукшинских чтениях в Сростках поэт Алексей Марков недаром сказал: — В моем понимании Шукшин — это Есенин в прозе...

На родине Шукшина я познакомился с его сестрой Натальей Макаровой. Тогда-то и зародилась у меня мысль познакомиться сестер Есенина и Шукшина, способствовать их переписке. Но накатились дела по возвращению домой, в Москву, идея показалась мне какой-то нахальной, что ли... А потом, как я уже говорил, Александра Александровна умерла. Надо спешить делать добрые дела! Уверен, что переписка сестер состоялась бы... Тем более, что и Наталья Макаровна приняла мою мысль с интересом.

Горсть алтайской земли с горы Пикет я привез к домику Есенина в Константинове, когда побывал здесь уже после смерти А. А. Есенина. С директором Дома-музея В. И. Астаховым мы договорились, что я на время отпуска поработаю в Константинове, помогу привести в порядок некоторые запасы. И вот, когда разбирал архивные материалы, случайно наткнулся на книгу. Это был шукшинский сборник «Там, вдали...», который вышел в «Советском писателе» в 1968 году. На титуле было написано знакомым разма-

«...БУДЕМ РАБОТАТЬ ВМЕСТЕ»

Из многочисленных воспоминаний о Сергее Александровиче Есенине, из его писем и документов известно, с каким вниманием и теплотой относился поэт к своим молодым соратникам по перу, к тем, кто рядом с ним, «зрело знающим работу» мастером, вставал у истоков молодой советской литературы.

Многие начинающие поэты обращались к Есенину за советом, и, как правило, ни один из них не был обойден участием своего кумира. Есенин и сам пристально следил за первыми шагами молодых литераторов, отмечая и запоминая наиболее талантливые имена.

Уже на склоне лет, вспоминая друга юности, петербургского поэта Евгения Панфилова, Виссарион Саянов писал:

«В ту пору, когда в «Звезде» печаталась есенинская «Песнь о великом походе», мы, молодые поэты, собрались однажды в редакции этого журнала. Неожиданно в большую уютную комнату вошел Сергей Есенин. Он внимательно оглядел нас, улыбнулся и громко сказал Панфилову: «Их не знаю. А ты уже показал, что можешь плести не только лапти, но и стихи. Приходи ко мне, будем работать вместе». Панфилов был удивительно застенчив, он краснел обычно, как только речь заходила о нем, и на этот раз лицо его и шея стали багровыми. Он пролепетал что-то в ответ — заступился за нас и назавтра, направляясь к Есенину, захватил с собой всю нашу шумную ватагу».

Евгений Панфилов не обманул надежд старшего товарища и своих друзей. За свою короткую жизнь он успел выпустить две книги стихов. В 1941 году, сражаясь в рядах народного ополчения, Панфилов погиб. Третья книга поэта вышла уже посмертно.

Не каждый мастер и далеко не каждому подмастерью мог бы

ЕСЕНИН И МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ

всерьез предложить совместную работу. Такое великодушное внимание свойственно только большим талантам.

В Институте мировой литературы хранится письмо С. Есенина, написанное им за две недели до смерти. Письмо адресовано начинающему литератору из города Николаева Якову Цейтлину:

«Дарование у Вас безусловное, теплое и подкупающее простотой, только не упускайте чувств, но и строго следите за расстановкой слов. Не берите и не пользуйтесь избитых выражений. Их можно брать исключительно после большой школы, тогда в умелой рамке, в руках умелого мастера они выглядят по-другому. Избегайте шатких, зыблых слов и больше всего следите за правильностью ударений... Желаю Вам успеха как в стихах, так и в жизни и с удовольствием отвечу Вам, если сочтете это нужным себе. Жму Вашу руку, Сергей Есенин».

Сколько их было, этих рук, испытывавших дружеское пожатие рязанского чудатворца! Может быть, где-нибудь в частных архивах сохранились неизвестные нам письма, полные советов и наставлений мастера к робким своим ученикам. Хочется верить, что такие письма существуют и нам когда-нибудь удастся их прочитать.

По-разному сложились судьбы есенинских питомцев, не все из них стали профессиональными литераторами, но каждый сохранил в душе улыбку и щедрое сердечное тепло поэта.

Примером бескорыстного товарищества служили отношения Есенина с литераторами Виктором Мануйловым, Вольфом Эрлихом, Иваном Приблудным...

В 1921 году восемнадцатилетний Виктор Мануйлов (ныне — известный ученый, доктор фило-

логических наук, главный редактор Лермонтовской энциклопедии) был рекомендован Сергеем Есениным в Союз поэтов. Более полувека хранилась в архиве ученого записка учителя, адресованная администратору бакинского клуба имени Сабиря: «Прошу пропустить тов. Мануйлова на сегодняшний вечер моих стихов, Сергей Есенин. 3.10.24 г.». Хранились и книги, подаренные поэтом. Через всю жизнь пронес Виктор Андроникович светлую память о своем великом наставнике и — вместе с этой любовью — трепетное и строгое отношение к поэтическому слову. Первая книга стихов есенинского ученика (стихи, писавшиеся в течение всей жизни!) вышла в 1984 году.

Ровесник В. Мануйлова, молодой ленинградский поэт Вольф Эрлих, знавший С. Есенина в последние годы жизни, накрепко запомнил совет своего старшего товарища: «Ищи родину. Найдешь — пан! Не найдешь — все псу под хвост пойдет. Нет поэта без родины».

В своей книге «Право на песню», вышедшей в 1930 году и давно уже ставшей библиографической редкостью, Эрлих рисует зримый образ человека, чьим собеседником ему посчастливилось быть.

Между тридцатилетним маститым поэтом и начинающим стихотворцем, несмотря на довольно ощутимую возрастную разницу в семь лет, быстро и естественно установилось товарищеское равенство. Доверие, кото-

рое «мэтр» испытывал к юноше, было ответом на беззаветную преданность последнего. Это к нему незадолго до роковой развязки обратился Есенин с просьбой найти подходящую квартиру в Ленинграде, куда намеревался переехать жить и работать. Ему же было передано поэтом прочтальное стихотворение, написанное на листке из блокнота, — знаменитое «До свиданья, друг мой, до свиданья...».

В переписке Есенина и в воспоминаниях его близких и друзей часто встречается имя Ивана Приблудного. Сохранилось несколько групповых фотографий, где рядом с Сергеем Александровичем изображен крепко сбитый большеглазый парень.

Впервые этот человек упоминается в есенинском письме к редактору отдела крестьянской литературы Госиздата Анне Абрамовне Берзинь: «Черкните пару слов с Приблудным». Письмо датировано 4 апреля 1924 года, но знакомство Приблудного с поэтом состоялось значительно раньше. Вероятнее всего, это произошло в 1921 году, когда шестнадцатилетний демобилизованный боец дивизии Котовского Яков Петрович Овчаренко переехал жить в Москву и поступил учиться в Высший литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова. Беспорядочный мальчишка, подобранный на дорогах гражданской войны красными конниками, получил среди них прозвище «приблудный». Отсюда и псевдоним, которым стал подписывать свои

произведения начинающий поэт. Героическая биография паренька, его несомненная одаренность заинтересовали Есенина, а общие крестьянские корни и тоска по родным полям сблизили этих весьма разных по характеру людей. Чувствуя житейскую неустойчивость юноши, Есенин взял его под свое покровительство, хотя неискоренимые «беспорядочные» привычки подопечного приводили порой к размоламкам.

Есенин, однако, не был злосплетным человеком. Недоразумения и обиды забывались, и отношения между поэтами продолжали оставаться дружескими. Об этом свидетельствуют живой интерес к молодому литератору, тревога о его судьбе, прорывающиеся в строках письма к Г. А. Бениславской из Батума (от 12 декабря 1924 года): «Что слышно в литературной политике? Что нового написал Приблудный? Он, собака, мне ни одного слова не написал...».

В начале августа 1924 года Есенин посетил родное Константиново. Приехал он не один. Сестра поэта Александра Александровна Есенина вспоминала:

«...нашим гостем на этот раз был молодой, лет двадцати, коренастый, широкоплечий, с черными глазами и густыми черными волосами поэт Иван Приблудный. Он был бесшабашный, озорной, находчивый, веселый, умеющий и пошутить, и спеть. Но лучше всего он читал стихи. Особенно хорошо у него получались «Гайдамаки» Шевченко и «Петух» собственного сочинения. Читал он как-то удивительно просто, жестко, лирично правой рукой или изредка поправляя черную шапку волос, но в его хрипловатом голосе было столько выразительности, что трудно забыть такое чтение...».

Молодой поэт внимательно относился к строгим критическим

штым почерком: «В Дом-музей Сергея Есенина. Помним тебя. Любим. В. Шукшин. 1970».

Это была находка Шукшина «открытым текстом», а не через своих героев говорил о любви к Есенину. Как попала сюда книга? Никто из работников музея не знал. Тогда я обратился к племяннице поэта, дочери А. А. Есениной, Светлане Петровне.

— Мама, помнится, посылала письма известным писателям, — сказала Светлана Петровна. — Просила присылать свои книги в дар музею. Может быть, Шукшин откликнулся на такое письмо?

А может быть, он приезжал сам? Скромный в жизни, Шукшин не любил шумихи вокруг себя. Он мог приехать в Константиново в числе многих и передать книгу. Он мог бы!

Когда я думаю о них, то вспоминаю прежде всего два места на земле — крутой берег Оки и гору Пикет. Хорошие просторные дали открываются отсюда. «Изначальная земля лежит вокруг. Она и дала силы двум подлинно народным талантам. Скромная и прекрасная земля, «малая родина», живущая у человека в сердце, зовущая его всегда. Где-то на этой земле подрастает новый художник с острым взглядом и бесконечной любовью к березам у околицы, к тихой дороге и синим лугам на горизонте. Книги Есенина и Шукшина, я верю, стоят на этой тихой дороге как верстовые столбы, неподвластные непогоде и времени.

...В 1984 году в Ленинграде проходила научная конференция, посвященная 55-летию Шукшина. Здесь кинооператор, хорошо знавший писателя, Анатолий Заболотский и сказал мне, что Шукшин действительно бывал в Константиново...

Александр ЛЕБЕДЕВ,

ВОСКРЕСЕНСК,
Московская обл.

замечаниям Есенина, правил неудачные строчки, переписывал заново стихи. Стихотворение Приблудного «Тополь на камне» было одобрено Сергеем Александровичем. Обрадованный ученик, посмеиваясь, твердо пообещал в недалеком будущем догнать и даже обогнать своего учителя, на что тот, не любивший пустой похвалы, многозначительно заметил: «Посмотри!»

Их последняя встреча состоялась 25 декабря 1925 года в Ленинграде, в том злополучном номере гостиницы «Англетер», где два дня спустя трагически оборвалась жизнь Сергея Есенина. Встреча эта зафиксирована в воспоминаниях Вольфа Эрлиха короткой фразой: «Вечером ненадолго заходил Ив. Приблудный». Более подробных сведений об этом свидании нет, а сам Приблудный, к сожалению, не оставил после себя никаких воспоминаний. Сохранился, впрочем, еще один маленький след их встречи: книга стихов Сергея Есенина «О России и революции», находящаяся ныне в моем собрании. На титульном листе синим карандашом рукою автора сделана короткая шутилка надпись: «Читай дурак — учишь. С. Есенин, 1925 г.». Не исключено, что подарена была книга в эти декабрьские дни...

В 1926 году вышла первая книга стихов Ивана Приблудного «Тополь на камне» — названная так по одноименному стихотворению, тому самому, что было одобрено учителем.

А в самом начале года Приблудный опубликовал свое произвольное стихотворение в сборнике, посвященном безвременному ушедшему другу, с коротким, но выразительным посвящением: «Есенину — живому»...

Я назвал всего пять поэтических имен. Несомненно, среди литературного «молодняка» двадцатых годов их было значительно больше — тех начинающих, кого великий русский поэт Сергей Есенин одарил своим вниманием и дружбой.

Юрий ПАРКАЕВ

РАЗ в два года в летние месяцы съезжаются художники-ксилографы из разных краев России в Дом творчества в Челюскинской. Такие творческие группы собираются по инициативе и при неизменной поддержке Союза художников РСФСР, создавшего в Подмоскovie прекрасно оснащенный базу для графиков. Здесь в их распоряжении оборудование и материалы, позволяющие испробовать различные способы печати гравюр, хорошая библиотека. А сами встречи ксилографов способствуют обмену опытом в освоении новых материалов и техники печати.

Вот уже четырежды собирались на подмосковной земле художники, и бессменным руководителем творческих групп был известный график Николай Иванович Калита, ревностно относящийся к этому добру начинанию. Для художников, творящих в гравюре на дереве, он, отдавший целиком этой ювелирной работе, устраивает встречи с известными мастерами ксилографии — например, с Федо-

мечательного нашего ксилографа Андрея Дмитриевича Гончарова. И работа оказалась успешной. Правда, мало кто знает, что гравюра, украсившая обложки долгожданных двух томов сочинений Сергея Есенина, изданных в «Гослите» в 1956 году стараниями друга поэта Петра Ивановича Чагина, выполнена Калитой. Тогда, видимо, впопыхах забыли указать в издании имя автора гравюры.

С тех пор им исполнено много есенинских ксилографических листов, создано пять портретов поэта, обогативших его иконографию.

Ксилограф-лирик, Николай Калита тонко чувствует есенинское поэтическое слово. И своим подопечным в творческой группе он старался помочь в выборе «своего» есенинского сюжета и композиционного решения гравюры. Вместе с ними он отправляется в Константиново. Необходимо было, чтоб художники подышали воздухом родины Есенина, увидели неоглядные заокские дали и дом родителей поэта.

ДОРОГОЙ ОБРАЗ

ром Константиновым и Дмитрием Бисти, с литературоведами.

Профессиональные диспуты, походы в музеи, поездки в древние русские города Владимир, Суздаль, Ростов Великий и по местам, связанным с жизнью и творчеством классиков русской литературы, — все это является обязательным в работе творческих групп. И каждый раз Калита собирает подборки гравюр, исполненных художниками в гостеприимном доме.

Как правило, все работают над одной темой. Так, в год столетнего юбилея Александра Блока группа выезжала на этюды в Шахматово — и родилась интересная подборка книжных знаков и гравюрных иллюстраций, многие из которых позже производились на страницах газет и журналов.

А в 1982 году после поездки в Мураново с ксилографических листов повеяло неповторимым дыханием поэзии Евгения Баратынского и Федора Тютчева.

Прошлогодняя встреча художников была особенной. Она происходила под знаком 90-летия со дня рождения Сергея Есенина, и работы художников были посвящены жизни и творчеству великого поэта России.

У Николая Ивановича Калиты особое отношение к Есенину. И сам он об этом как-то сказал:

«Художник, работая над таким образом, как Есенин, — и не раз возвращаясь к нему, — испытывает порой в процессе «творения» такую гамму чувств в своем желании приблизиться к себе, к нам вечно изменяющийся, ускользающий, манящий — и вместе с тем такой простой, казалось бы, такой знакомый, свой — дорогой издавна образ.

Здесь секрет, очевидно, «прост» — очарование поэзии, — и к таким поэтам, как Есенин, художнику не равнодушно к России, придется обращаться еще не раз, как к живому».

И это действительно так. Калита снова и снова возвращается к поэзии Есенина, создает его портреты. А впервые к есенинской теме он обратился вскоре после окончания Суриковского института по предложению за-

В результате этой поездки родилась есенинская подборка ксилографий. В ней есть и константиновский пейзаж, и иллюстрация к произведениям поэта, и, конечно же, его портреты. Из последних следует в первую очередь отметить интересно решенный композиционно портрет Есенина, исполненный Андреем Пресновым из Оренбурга. Его работе присущ мягкий лиризм и тонкое мастерство гравера.

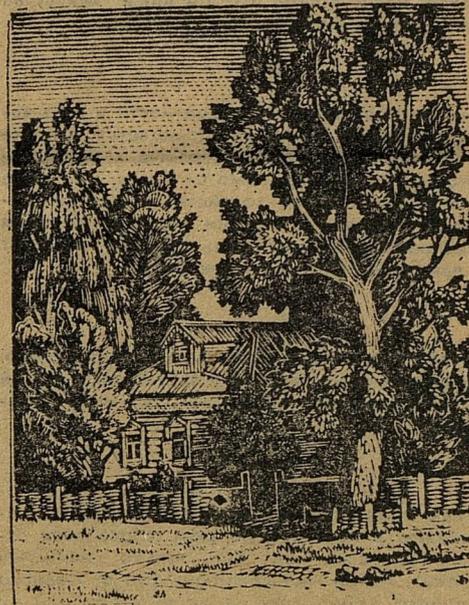
Интересны константиновские пейзажные зарисовки москвича Вячеслава Лукашова и Александра Бакулевского из Йошкар-Олы. Чувствуется мастерское владение стихелем в работе свердловчанина Владимира Сыскова, награвировавшего родительский дом. Оригинальные иллюстративные миниатюры Алексея Бучнева из Тамбова.

Вызывают интерес и работы других участников творческой группы, свидетельствующие о том, что ее работа была успешной.

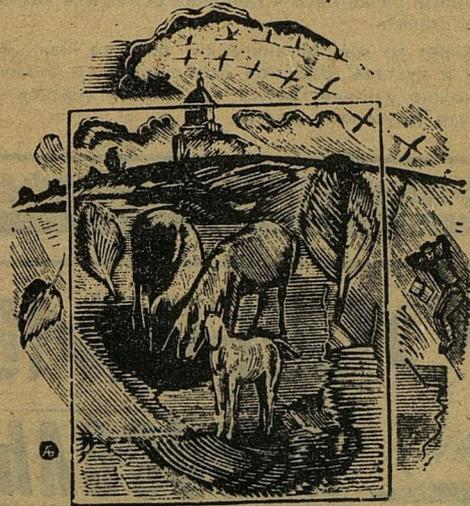
Впереди у ксилографов России новые встречи. Будущим летом они снова соберутся в Челюскинской. И, быть может, «классным уроком» их встречи будет пушкинская тема: 1987 год — год столетия десятилетия со дня гибели гениального поэта России.

А в этом номере «Литературной России» вы можете познакомиться и с гравюрами самого Николая Калиты, и с работами его «подопечных» на темы Есенина.

Юрий ЮШКИН

- «Заокские дали». Гравюра на дереве А. БАКУЛЕВСКОГО (ЙОШКАР-ОЛА)
- «Дом родителей Есенина». Гравюра на дереве В. СЫСКОВА (СВЕРДЛОВСК)
- Шмуцтитул к книге стихотворений С. Есенина. Гравюра на дереве А. БУЧНЕВА (ТАМБОВ)
- «Константиновский мотив». Гравюра на дереве В. ЛУКАШОВА (МОСКВА)

СТИХОТВОРЕНИЯ

